

С. К. БЕЛЫХ (Ижевск)

ОБ ЭТИМОЛОГИИ УДМУРТСКОГО СЛОВА *вашкала**

Abstract. On the Etymology of the Udmurt Word *вашкала*

The paper is devoted to the origin of the Udmurt word *вашкала* 'ancient'. For quite a long time in Udmurt linguistics, it has been suggested that this word is related to the common Permian stem *važ ~ vuž* 'old, former'. However, this guess was not properly substantiated and was subsequently rejected for phonetic reasons. The article proves thoroughly the direct connection of Udmurt *вашкала* with the mentioned Common Permian stem, and its formation and phonetic evolution are traced in detail.

Keywords: Permian languages, Udmurt dialects, comparative historical linguistics, history of the Permian peoples.

1. Введение

В современном удмуртском языке слово *вашкала* [*vaškala*] (диалектные варианты *vaškala vaškala*, *vaškāca*, *vaškāca* и др. (см. напр. Wichmann 1987 : 308)) имеет значение 'древний, старинный'. Слово это весьма употребительно и является основой множества дериватов и устойчивых словосочетаний: удм. *vaškala dırja* 'в старину, в былые времена', *vaškala dırjšen* 'исстари, испокон веку, издавна', *vaškalaos* 'предки' (букв. 'древние') и т. п. Данная лексема не имеет прямых параллелей в близкородственных коми, а также в других финно-угорских языках, и её этимология по сей день считается неясной. Попытаемся прояснить данный вопрос.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>).

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Я выражаю свою искреннюю благодарность рецензенту данной статьи за представленные весьма полезные и интересные замечания.

2. Общепермское *važ* ~ *vuž*

2.1. Начать мне хотелось бы следующим образом. В слободском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия, занимающем крайнее северо-западное положение в ареале распространения удмуртского языка (Слободской район Кировской области) филологами зафиксировано слово *važ* 'старый', а также образованное от него *važuk* 'древний' (Архипов 1990 : 10; Максимов 2018 : 116). Слово *važ* интересно тем, что оно сосуществовало в слободском говоре (и к сегодняшнему дню, видимо, вышло из употребления (Максимов 2018 : 116)) совместно с общеудмуртским фонетическим вариантом данной лексемы — *vuž* 'старый, ветхий; прежний'. Слободской вариант *važ*, отличаясь по своему вокализму от общеудмуртского, полностью совпадает с коми вариантом лексемы: ср. комиЗ, комиП, комиЯ *važ* 'старый, ветхий; прежний, древний'. Общепермскую лексему *važ* ~ *vuž* обычно возводят к праф.-п. **vanša* 'старый' (UEW 813).

2.2. В то же время среди лингвистов существуют разные мнения по поводу происхождения пермской лексемы *važ* ~ *vuž*. Так, например, М. А. Живлов (2008) предложил версию её происхождения от балт. **vetuša-* 'старый'. Позднее этот исследователь несколько скорректировал свою позицию, возведя происхождение пермского *važ* ~ *vuž* к постпрауральской форме **wetišV* 'старый', заимствованной, по его мнению, из какого-то индоевропейского источника, в котором имелась форма, близкая к лит. *vėtušas* 'старый'.

М. А. Живлов считает соответствие коми *a* — удм. *u* в данном случае результатом отражения в пермских языках прауральского или постпрауральского сочетания **-eti-*: ср. коми *va*, удм. *vu* 'вода' (< **weti*), коми *ta*, удм. диал. *tu* 'мёд' (< **meti*) (Zhvlov 2023 : 137). Это предположение оценивается другими исследователями как спорное, т. к. по их мнению, такое положение вещей может быть результатом особого развития пермского вокализма в слогах типа CV- (см. напр. Jacob 2023 : 241).

Впрочем, для нас в данном случае важнее то, что М. А. Живлов, вслед за В. И. Лыткиным, прапермскую форму реконструировал в виде **vāž* (Живлов 2008; Zhvlov 2023 : 137). Замечу, что сам В. И. Лыткин, предложивший (под знаком вопроса) вышеуказанную реконструкцию прапермского слова **vāž* 'старый', по всей видимости, колебался в выборе и временами более склонялся к несколько иному варианту прапермской реконструкции — **važ*, выводя её из допермской формы **vanša* (КЭСК 46) (см. также раздел 5.3).

Составители "Уральского этимологического словаря" для прапермского языка реконструировали в данном корне гласную **ǝ* (< праф.-у. **a*), полагая, что в удмуртском гласная закономерно превратилась в *u*, а вот в коми она подверглась спорадическому расширению и превратилась в *a* (UEW 813).

Здесь следует отметить, что коми форма с гласной *a* признаётся многими исследователями нетипичной, выбивающейся из общей тенденции, т. к. допермскому (прафинно-пермскому, прафинно-угорскому или прауральскому) **a* в коми обычно не соответствует *a*, хотя такой случай всё же не единичен (см. ниже в данном разделе). Это обстоятельство позволило Я. Саарикиви предположить, что коми слово *važ* является

прибалтийско-финским заимствованием (Saarikivi 2018 : 312), ср. напр. фин. *vanha*, вепс. *vanh* 'старый' и т.п. Отмечу, что такое предположение выглядит очень сомнительно по следующим причинам. Если принять условие, что коми слово является прибалтийско-финским заимствованием, следует сделать вывод о его довольно позднем проникновении в коми, уже после отделения предков коми от предков удмуртов и распада прапермского единства. И в таком случае совершенно непонятно, как коми языки, восприняв прибалтийско-финское слово с неизменным *a*, в то же время утратили носовой *n*. Кроме того, неясно в таком случае происхождение ауслautного коми *-ž*.

Отмечу также, что, если верить Уральскому этимологическому словарю, корреспонденция праф.-п. **a* — коми *a* — удм. *u* в случае с **wanša* — *važ* — *viž*, не будучи высокочастотной и распространённой, всё же не является какой-то исключительной и уникальной. Ср. напр., комиЗ *panjd*, комиП *panjt*, удм. *pumit* ~ *pumjt* ~ *punit* 'навстречу, напротив, против'; комиЗ *panjdavnj* ~ *panjidalnj* 'преградить путь, препятствовать', комиП *pantavnj* ~ *pantalnj*, удм. *pumitanj* 'встречать, встретить'; комиЗ *panjdašnj*, комиП *pantašnj*, удм. *pumiškijni* 'встречаться, встретиться', которые, согласно упомянутому словарю, восходят к праф.-п. **paŋz-* 'встречать, встречаться' (UEW 723).

Таким образом, по моему мнению, есть достаточные основания считать коми *važ* и удм. *viž* словами, восходящими к единой прапермской основе. Данное утверждение выглядит ещё более убедительным, если вспомнить, что соответствие коми *a* — удм. *u* в первом слоге корневой основы вполне обычно и довольно распространено, в современных пермских языках насчитывается не менее двух десятков таких пар корней (см. ниже, раздел 5.3).

3. Данные удмуртской диалектологии

3.1. Весьма соблазнительно было бы связать происхождение слова *vaškala* с *važ* ~ *viž*, такого рода догадки высказывались учёными уже довольно давно (см. напр., Алатырев 1976 : 30), но эти догадки так и не получили должного обоснования. К тому же на пути данного предположения, по мнению ряда удмуртских лингвистов (см. напр. Максимов 2018 : 116), возникает одно казалось бы непреодолимое препятствие.

Дело в том, что в ниже- и среднечепецком диалектах северноудмуртского наречия, нижеижском говоре южноудмуртского диалекта, отдельных периферийно-южных говорах, а также в бесермянском наречии в анлауте некоторых слов перед гласной *a* произносится губно-губной сонант *ɥ*-, в отличие от прочих удмуртских диалектов и литературного языка, где в этой позиции стоит губно-зубная щелевая *v*-: *ɥaž* 'рано, ранний' (удм. лит. *važ*), *ɥaten* 'через, поперёк' (удм. лит. *vaten*), *ɥatjnj* 'прятать; хоронить' (удм. лит. *vatjnj*) и т. п.

Подобных корневых основ с начальным *ɥa-* в упомянутых диалектах, по данным В. К. Кельмакова, насчитывается свыше двадцати (Кельмаков 1993 : 35—36; 2004 : 249—250). Л. Л. Карпова на материалах среднечепецкого диалекта выявила 40 таких словоформ (Карпова 2013 : 33—34).

Происхождение данного анлаутного *ɥ*- остаётся не вполне понятным. Среди удмуртских языковедов преобладает мнение о его пра-

пермских истоках (см. напр. Кельмаков 2004 : 250—251; Карпова 2023 : 464). Однако, такая версия вряд ли может считаться доказанной и общепринятой. Например, в новейшей на сегодняшний день реконструкции прапермской фонетической системы, осуществлённой М. А. Живловым, билабиальный сонант * μ отсутствует (Zhivlov 2023 : 135). Интересно, что учёный допускает в особых случаях существование праудмуртского анлаутного * μa -, которому соответствовало пракоми * uo < праперм. * $\mu\ddot{o}$ -, однако подобные случаи явно не имеют отношения к рассматриваемым здесь общепермскому $va\check{z} \sim vu\check{z}$ и удм. $va\check{s}kala \sim \mu a\check{s}kala$ (Zhivlov 2023 : 136, 138—139).

3.2. Не вдаваясь в подробное обсуждение этой сложной проблемы, всё же отмечу, что фонема μ - существует в тех удмуртских диалектах, которые подверглись сильному влиянию татарского языка, где губно-зубная v встречается только в относительно недавних заимствованиях, а в исконной лексике и старых заимствованиях ей неизменно соответствует билабиальная согласная w . Эта последняя фонема татарского языка артикуляционно очень близка губно-губной сонорной μ - указанных удмуртских диалектов. В самом деле, существенное влияние языка чепецких (каринских) татар на говоры ниже- и среднечепецких удмуртов и бесермян не вызывает сомнений. Интересно, что в верхнечепецком диалекте северного наречия, куда татарское влияние проникало значительно слабее, начальная губно-губная μ - встречается лишь в единичных случаях в некоторых говорах, территориально смежных с ареалом среднечепецкого диалекта (Карпова 2023 : 463). Что же касается южноудмуртских μa -диалектов, то они испытали на себе ещё более сильное воздействие татарского языка.

3.3. В. К. Кельмаков особо отмечал, что совокупность исконных корней и старых заимствований доудмуртского периода с анлаутным μa - строго совпадает во всех этих диалектах и, как правило, не смешивается в них с корнями на va -, которые сосуществуют в тех же самых диалектах с основами на μa -: $valani$ 'понимать' (нет формы $\mu alani$); val '1) лошадь; 2) был, было, была, были' (не существует формы μal); vaj 'ветка, сук; ответвление' (нет формы μaj); $vak\acute{c}i$ 'короткий' (не говорят $\mu ak\acute{c}i$); $vari\check{s}$ 'ястреб' (нет формы $\mu ari\check{s}$). Зафиксирован даже один случай, когда начальные μ - и v - выступают в смысловоразличительной роли: ср. $\mu a\check{z}$ 'рано, ранний' и $va\check{z}$ 'полба' (Кельмаков 2004 : 250).

Корневых основ, которые всегда произносятся с начальным va - в вышеуказанных μa -диалектах сравнительно немного. На основании данных и материалов Ю. Вихманна, Т. И. Тепляшиной, Л. Л. Карповой и др., к уже перечисленным можно добавить ещё несколько: $vaj\check{m}j$ 'принести, привезти', $val\acute{c}e$ 'вместе, совместно', $vand\check{m}j$ 'резать', бес. $varje\check{z}$ 'настежь' (удм. лит. $vari\check{z}$) (Wichmann 1987; Тепляшина 1970а; 1970б; Карпова 2005; 2013; 2020). На первый взгляд, к таковым следует также отнести уже упоминавшиеся выше слоб. $va\check{z}$, $va\check{z}uk$, т. к. слободской говор относится к μa -диалектам. На деле же всё оказывается сложнее и интереснее.

4. Некоторые сведения из этнической истории пермских народов

4.1. Возвращаясь к возможной связи $va\check{z} \sim vu\check{z}$ со словом $va\check{s}kala$, повторю, что, по мнению С. А. Максимова и, вероятно, других исследо-

вателей, такая связь невозможна, ибо во всех *џа*-диалектах и, в их числе, в слободском говоре это последнее слово произносится с начальным *џа*-: слоб. *џаškala* (Тепляшина 1970а : 161; Максимов 2018 : 116). Г. А. Архиповым в слободском говоре даже зафиксирована дублетная конструкция *važuk џаškala* 'древний', букв. 'древний-древний, древний-старинный' (Архипов 1987 : 90), где формы на *va*- и *џа*- непосредственно соседствуют в одном словосочетании.

Такое положение вещей позволило С. А. Максиму предположить, что форма *viž* в слободском говоре возникла в результате закономерного развития на собственно удмуртской почве, а форма *važ* имеет суперстратное коми происхождение. Следует отметить, что этот учёный вообще предполагает довольно существенное коми влияние на формирование северных удмуртских диалектов (Максимов 2018 : 274—278). Факт переселения в XVII в. части населения т. н. Лузской Пермцы (предков южных коми-зырян) на Верхнюю Каму и Вятку вроде бы находит подтверждение в письменных источниках (Жеребцов 1982 : 70, 99).

Если допустить, что предположение С. А. Максимова о слоб. *važ*, как о суперстратном коми вкраплении в удмуртский диалект верно, то получается, что эта лексема вообще имеет неудмуртское происхождение. Впрочем, как мне представляется, данное объяснение, хотя и выглядит в целом обоснованным, но всё же не является единственно возможным.

4.2. Диалекты северного наречия удмуртского языка по многим характеристикам (в фонетике, морфологии, лексике) ощутимо выделяются на фоне остальных удмуртских диалектов. Северные диалекты, будучи неотъемлемой составной частью удмуртского языкового ареала, в основных своих характеристиках тождественны или очень близки прочим удмуртским диалектам. Тем не менее, некоторые отличительные черты северных говоров особо сближают их с южными коми диалектами (коми-зырянскими и коми-пермяцкими). Кроме того, довольно часто севернoudмуртские фонетические или грамматические формы выглядят как нечто промежуточное, переходное от собственно удмуртских к коми формам. И в особенности, на мой взгляд, это касается именно нижнечепецкого диалекта, частью которого, как уже говорилось, является слободский говор.

Такое положение вещей в значительной мере является следствием существования в прошлом пермского языкового единства в форме общепермского языкового (диалектного) континуума, о чём уже неоднократно писали (см. напр. Насибуллин 1990; Белых 1995; 2009 : 77—95). В данном континууме, который существовал вплоть до окончательного распада прапермского единства в XIV—XV вв., любые соседние группы пермян были особо близки друг другу в языковом отношении, следовательно северные праудмуртские (доудмуртские) диалекты особо сближались с южными пракоми (докоми).

Характерно, что и в нижнечепецком диалекте те или иные общепермские лексемы, отличаясь фонетически от соответствующих слов основной массы удмуртских диалектов, лишь иногда совпадают полностью с их коми фонетическими вариантами. Чаще нижнечепецкие слова занимают этакое промежуточное положение между общеудмурт-

ской фонетической формой и коми вариантом. Например: кос. *zer* ~ *zgr*, слоб. *zgr* — удм. лит. *zor* — коми *zer* 'дождь'; кос. *lebanj* ~ *lębanj*, слоб. *lebanj* — удм. лит. *lobanj* — коми *lebalnj* ~ *lebavnj* 'летать'; кос. *čerig* ~ *čerig*, слоб. *čerig* — удм. лит. *čorig* — коми3 лл., комиП оньк. *čerig*, другие коми диал. *čeri* 'рыба' и т. п. (см. подробнее об этом напр. Тепляшина 1970а; Белых 2009 : 83—85, 93; Карпова 2016 : 30—31).

4.3. Что касается лексемы со значением 'старый', имевшем в слободском говоре два фонетических варианта — общеудмуртский *viž* и узкодиалектный *važ*, то я могу здесь заметить следующее. Действительно, наличие в одном говоре двух слов, совершенно одинаковых по значению, имеющих общее происхождение, но при этом очень резко отличающихся по своему вокализму, выглядит необычно и привлекает внимание. Учитывая же то обстоятельство, что, как уже говорилось выше (см. раздел 2.1), слоб. *važ* фонетически и семантически полностью совпадает с общекоми *važ* 'старый, прежний, старинный', очень заманчиво, вслед за С. А. Максимовым, признать этот северноудмуртский диалектизм результатом коми влияния на язык нижнечепецких удмуртов.

В то же время, мне представляется возможным предложить и альтернативную версию происхождения данного диалектного слова. К сегодняшнему дню можно с уверенностью говорить о том, что удмурты, живущие в бассейне реки Чепцы (левый приток р. Вятки) представляют собой результат смешения разных групп пермян. Известны предания о столкновении в чепецком регионе удмуртов субэтнических групп *Ватка* и *Калмез*, имеются сведения о переселении на Чепцу не позднее второй половины XV в. предков т.н. каринских (чепецких) татар и, вместе с ними, переселенцев из южноудмуртских пределов (из Заказанья) — предков современных бесермян (Белых 2007 : 46). Вполне вероятно, что были и другие волны переселения удмуртских групп на Чепцу из более южных районов удмуртского ареала.

По всей видимости именно эти переселенцы с юга и были первоначальными носителями самоназвания *удмурт* (Белых, Напольских 1994 : 281—283), переселившимися в бассейн Чепцы и постепенно ассимилировавшими коренное чепецкое население. К сожалению, мы не располагаем ясными сведениями об этнической принадлежности этого населения. Не исключено, например, что эти люди использовали в качестве эндоэтнонима слово *коми* или имели какие-то другие самоназвания. С уверенностью можно говорить лишь о том, что они явно были пермоязычны и, вероятно, близки по своему языку предкам южных коми.

В соответствии с предложенной В. В. Напольских (1997 : 113) терминологией эти пермские группы можно было бы называть *парапермянами* или *экзоудмуртами*, т.е. неудмуртскими изначально пермоязычными группами, которые были ассимилированы продвинувшимися с юга собственно удмуртами (*эндоудмуртами*), и стали в итоге одним из компонентов формирующейся субэтнической группы северных удмуртов.

Таким образом, слово *važ* может иметь не суперстратное, а местное субстратное происхождение, что, кстати говоря, допускал и С. А. Максимов в своих более ранних работах (2001 : 181). Косвенно о местном,

чепецком (экзоудмуртском, парапормском) происхождении данного слова может свидетельствовать его дериват *važuk* 'древний'. Это слово с подобной суффиксацией отсутствует в доступных мне словарях коми языков, в то время как в удмуртском языке имеется соответствующий суффикс *-uk/-jk* (Алатырев 1976 : 84—86; Архипов 1990 : 10), а также зафиксированы слова с этим суффиксом, образованные от корня *važ* (см. выше и ниже). Если всё же допустить коми происхождение слоб. *važ*, то в этом случае следует считать, что к коми корневой основе в слободском диалекте был присоединён удмуртский суффикс *-uk*.

Можно предположить в итоге, что двойное отражение (*važ ~ vuž*) в слободском говоре общепермской лексемы со значением 'старый, древний' является результатом слияния на нижней Чепце двух этнических и языковых компонентов: 1) пришлого с севера коми или местного чепецкого, для которого было характерно произношение *važ* и 2) пришлого с юга собственно удмуртского, для которого было характерно общеудмуртское произношение *vuž*.

Именно этой двухкомпонентностью объясняется то обстоятельство, что в одном (слободском) говоре слова *važ*, *važuk* и, как я постараюсь доказать ниже, происходящее от того же корня *vaškala* так отличаются друг от друга по своему консонантизму в анлауте. Первая из этих лексем происходит из *va*-диалекта / языка, а вторая — из *va*-диалекта.

5. Фонетическая корреспонденция *a ~ u*

5.1. Несколько слов мне бы хотелось сказать об этой интересной фонетической корреспонденции *a ~ u*, имеющей место как на удмуртском междиалектном уровне, так и на уровне общепермском. Наряду с уже упомянутым *važ ~ vuž* 'старый' в том же слободском говоре зафиксирована любопытная диалектная лексема *mal'a ~ mal'o* 'ягода, орех, плод, головка', которая в этом диалекте употребляется параллельно с общеудмуртским фонетическим вариантом *mul'j*; слоб. *legezpu mal'a* 'плод (ягода) шиповника' (*legezpu* 'шиповник'), *etin mal'o* 'головка (коробка) льна' (*etin* 'лён') и т. п. (Максимов 2018 : 62—63). В удмуртско-русских словарях отмечено диал. *mal'apu* 'шиповник' (УРС 275), где *pu* 'дерево, кустарник'. С. А. Максимов сравнивает удм. диал. *mal'a ~ mal'o* с комиЯ *mal'a: rəžmal'a, žəžmal'a* 'жимолость'; комиЗ скр. *mal'eg* 'плоды (ягоды) шиповника' (2018 : 63).

Общеудмуртское *mul'j* 'ягода, плод, косточка' традиционно принято сравнивать с коми *mol'* 'пуговка, косточка, бусина' (ср. также коми *hurmol'* — удм. *hurmul'j* 'клюква', где коми, удм. *hur* 'болото, болотный') и возводить к прафинно-угорскому пласту лексики (КЭСК 173—174; UEW 279). В то же время, отделять данную общеудмуртскую форму от слоб. *mal'a ~ mal'o*, на мой взгляд, довольно трудно. С. А. Максимов предполагает, что эта последняя лексема является заимствованием, проникшим к слободским удмуртам из коми диалектов, однако, учитывая её возможный дескриптивный характер, допускает её возникновение на собственно чепецкой, местной основе (Максимов 2018 : 63).

В северном наречии удмуртского языка зафиксировано слово *kad* (глаз.) 'грязное, кочковатое место' (Максимов 2018 : 122), в удмуртско-русских словарях отмечено диал. *kad* 'болото; кочкарник' (УРС 180), ко-

торые невозможно отделять от общеудмуртского, также присутствующего в чепецких диалектах *kud* 'заболоченный лес; болото' (Карпова 2013 : 271; Максимов 2018 : 122), удм. лит. *kud* 'болото; болотистый, болотный' (УРС 224), а также от комиЗ *kad* 'заболоченное озеро; топкий, зыбкий, болотистый берег (озера); трясины, топь' (ССКЗД 144). По мнению С. А. Максимова, удмуртскую диалектную форму *kad* можно считать коми заимствованием (Максимов 2018 : 122), я же допускаю, что она также может быть местным субстратным словом, необязательно коми происхождения. То есть, мы не можем быть уверены, что местное доудмуртское население именовало себя этнонимом *коми*, хотя сохранившееся из языка/диалекта этого населения слово *kad* фонетически безусловно ближе именно к коми языкам.

5.2. По меньшей мере в одном случае фонетическая корреспонденция *a ~ u* сохранилась в большинстве удмуртских диалектов (за исключением самых северных), причём обе формы попали в удмуртский литературный язык, правда имеют в нём немного разные значения. Речь идёт об удм. лит. *badžim* 'большой' (диал. *badžin*) и *bidžim* 'великий' (диал. *budžin ~ budžim*). Оба этих слова считаются позднеиранскими (аланскими) заимствованиями; ср. осет. *bæzžyn ~ bæzgin* 'толстый; густой' (ИЭСОЯ 257; Joki 1973 : 255; Rédei 1986 : 65; Лыткин 1975 : 88). Первоначально гласная первого слога была усвоена предками удмуртов как *-a-* (отсюда удм. *badžim < badžin*). Нужно особо отметить, что в аланских лексических заимствованиях осетинскому *æ* чаще всего и соответствует удмуртское *a*, напр., удм. *ana* 'кроме (послелог)' ~ ср. осет. *ænæ* 'без', удм. *andan* 'сталь' ~ осет. *ændon* 'тж', удм., коми *das* 'десять' ~ осет. *dæs* 'тж', удм., коми *zarńi* 'золото, золотой' ~ осет. *zærin* 'золотой' и т. п. (см. Rédei 1986 : 64, 65, 67, 82).

Слово *bidžim* (< *budžin ~ budžim*) появилось в результате дальнейшего развития удмуртского вокализма, перехода *a > u > i*. Видимо по причине того, что два удмуртских слова в диалектах, а затем и в литературном языке стали означать немного разные понятия — 'большой' и 'великий' — первоначальный вариант *badžim* сохранился наряду с инновационным *bidžim ~ budžin ~ budžim*.

5.3. В современном удмуртском языке имеется некоторое количество общепермских лексем, в которых удмуртской гласной *u* соответствует коми *a*. По данным В. И. Лыткина (1964 : 173) и моей собственной приблизительной оценке таких соответствий насчитывается не менее двух десятков. К таковым относятся: удм. *viž* — коми *važ* 'старый', удм. *vi* — коми *va* 'вода', удм. *tu* — коми *ta* 'мёд', удм. *su* — коми *sa* 'сажа', удм. *puńj* — коми *pań* 'ложка', удм. *pumit* — комиП *panit*, комиЗ *panjd* 'против, напротив, навстречу', удм. *juber* — коми *jabjr* 'скворец', удм. *tumj* — коми *tam* 'мать', удм. *tur* — коми *tar* 'тетерев', удм. *tug* — коми *tag* 'хмель (растение)' и др.

В то же время в пермских языках сохраняется некоторое количество слов, где сохранилась общепермская *a*: удм. *aji* — коми *aj* 'отец', удм. *paškjt* — комиП *paškjt*, комиЗ *paškjd* 'широкий', удм. *majbjr* — коми *majbjr* 'счастливый', удм. *tažj* — коми *taži* 'так, таким образом' и др.

В. И. Лыткин считал затруднительным объяснение перехода пермского **a > u* в части удмуртских слов и предложил реконструи-

ровать для таких случаев прапермскую лабиализованную гласную фонему *ǎ*, которая в удмуртском языке превратилась в *u*, а в коми — в *a* (Лыткин 1964 : 173; КЭСК 23). Впрочем, как уже говорилось выше (см. раздел 2.2) в некоторых случаях этот учёный колебался в выборе реконструированной прапермской гласной между **a* и **ǎ*, в частности в случае с **važ* и **vǎž* (КЭСК 46). На мой взгляд, здесь действительно сложно отдать предпочтение первому или второму варианту, т. к. огубление гласной в этом конкретном случае могло возникнуть позиционно, под влиянием предшествующей губной согласной.

5.4. Имеет смысл добавить, что среди коми-удмуртских параллелей с корреспонденцией *a ~ u* имеется некоторое количество заимствованных слов. Например, к ним относится такое арийское заимствование как удм. *durj* — коми *dar* 'разливательная ложка, половник', которое сопоставляют с ир. **darvi*, санскр. *dārvī-* 'ложка' (КЭСК 87; Rédei 1986 : 68).

Сюда же можно отнести и некоторые болгаро-чувашикие заимствования: удм. *udj̄s* — коми *adas* 'постать (полоса земли, которую захватывают жнецы во время жатвы)'; удм. *šurlo* — коми *čarla* 'серп', при мар. *sarla ~ sorla*, венг. *sarló* 'тж'; удм. *kun* — коми (др.-перм.) *kan* 'хан, царь', по поводу которых ещё Ю. Вихманн заметил, что в болгарском (древнечувашском) языке-источнике этих заимствований, как и в других тюркских языках, в соответствующих словах значился звук *a*, который без изменений сохранился в коми языках (Wichmann 1903 : 29; Лыткин 1964 : 172; КЭСК 30, 116, 302).

Немаловажно то, что в современном чувашском языке, как и в удмуртском, во всех данных происходящих из волжско-болгарского языка словах произошло огубление гласной первого слога: ср. чув. *ot-* ~ *ut-* 'ходить, шагать', *udas* 'шаг'; *šorla ~ šurla* 'серп'; *xon ~ xun* 'хан' (Федотов 1996 : 293, 143, 357). Фонетическое явление лабиализации гласной *a* в первом слоге вообще очень характерная черта чувашского языка, выделяющая его на общетюркском фоне: ср. напр. чув. *ut* — тат., баш. *at* 'лошадь', чув. *tup-* ~ *top-* — тат., баш. *tabarya (tap)* 'находить'; чув. *sujla-* — тат. *sajlarğa*, баш. *hajlarğa* 'выбирать' и т. п.

Можно вполне обоснованно предположить, что в удмуртском языке под болгаро-чувашиким влиянием гласная первого слога *a* также стала лабиализованной и превратилась первоначально в *o*, а затем в *u* (**a > *o > u*). Показательно, что в ещё одном примере болгаро-чувашикого заимствования в пермских языках в коми словах мы видим промежуточную фазу огубления с гласной *o*: ср. удм. *uśjanj* 'открывать, раскрывать', *uštjn̄j* 'открыть, раскрыть', комиП *oštjn̄j* 'открывать, открыть', комиЗ *voštjn̄j* 'открыть, отворить, раскрыть', вс. *oštjn̄j* 'тж' — при чув. *oś-* ~ *uś-* 'открывать, отворять, раскрывать', тогда как в пратюркском и подавляющем большинстве современных тюркских языков в данном корне произносится гласная *a-* (ср. напр. тат. *ačarğa*, баш. *asarğa* 'открывать, открыть, отворять') (КЭСК 64; ССКЗД 61; Федотов 1996 : 292). Можно предположить, что данная тюркская лексема проникла в язык предков коми довольно поздно, уже в тот период, когда в болгарском (древнечувашском) языке проявилось вышеупомянутое огубление гласной первого слога.

Мне представляется возможным также высказать предположение, что под тем же самым болгаро-чувашиким влиянием в соседствовав-

ших с булгарами южных праудмуртских (эндоудмуртских) диалектах могло произойти видоизменение общепермской фонемы $*a \sim *ā$ в части исконной лексики и некоторых старых (добулгарских) заимствованиях, в результате чего в этих словах произошёл фонетический сдвиг $*a \sim *ā > *o > u$. По мере расселения этих южных праудмуртских групп в более северные районы данное фонетическое явление постепенно охватило все прочие праудмуртские диалекты. И лишь в единичных случаях в удмуртском языке или в отдельных его диалектах более древние варианты соответствующих лексем с фонемой a сохранились наряду с инновационными, содержащими фонему u . Именно к таким редким случаям можно отнести уже упоминавшиеся выше лексемы *badžim*, *kad*, *mal'a* ~ *mal'o*, *važ* и *važuk*.

Таким образом, в определённый исторический период развития фонетической системы удмуртского языка в одних и тех же или соседних его диалектах могли сосуществовать формы *vuž* и *važ* ~ $*\underline{u}až$, а также производные от них *važuk* ~ $\underline{u}ažyk$ (см. ниже, раздел 6).

6. Историческая эволюция удм. *vaškala*

6.1. Вернёмся, однако, к происхождению удм. *vaškala* 'древний'. Если справедливо предположение о субстратном или суперстратном происхождении слов *važ* и *važuk* в слободском говоре нижнечепецкого диалекта удмуртского языка, то возникает вопрос: как же произносились эти два последних слова в удмуртских $\underline{u}a$ -диалектах изначально — с анлаутным v - или анлаутным $\underline{u}$ -? Казалось бы определённо ответить на этот вопрос сейчас затруднительно, ибо к сегодняшнему дню эти слова в данных диалектах повидимому не сохранились.

Однако, в первой научной грамматике удмуртского языка, изданной Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге в 1775 году (и факсимильно переизданной в г. Ижевске в 1975 году), можно встретить весьма примечательное удмуртское выражение *uажикъ дырья* 'древле, въ старину, искони' (Грамматика 1975 : 109). Можно с уверенностью транскрибировать данное выражение как $\underline{u}ažyk$ *dırja* и констатировать, что оно практически тождественно по значению уже упоминавшемуся в начале статьи $\underline{u}aškala \sim vaškala$ *dırja* 'в старину, в былые времена' (где *dırja* от *dır* 'время, период, срок').

6.2. Здесь я бы хотел сделать одно важное замечание. В конечном итоге, для основной темы настоящей статьи не столь уж важно, какой должна быть прапермская реконструкция лексемы со значением 'старый' — $*važ$, $*vāž$, $*vož$ (как это предложено в UEW 813; см. также раздел 2.2. данной статьи) или какой-то другой. Гораздо важнее то обстоятельство, что в лексикологических источниках надёжно засвидетельствовано и задокументировано существование в прошлом в удмуртском языке слов *važ*, *važuk*, $\underline{u}ažyk$, которые явно связаны с указанной прапермской лексемой и от которых несомненно (см. ниже, раздел 6.3) образовано удм. *vaškala* ~ $\underline{u}aškala$ 'древний, старинный'.

6.3. Можно с уверенностью говорить, что лексический материал, по крайней мере частично, был почерпнут составителями упомянутой грамматики из удмуртских $\underline{u}a$ -диалектов. Об этом свидетельствует такая важная деталь, что те слова, которые признаются в данных диа-

лектах с начальным *va-*, в грамматике прописаны через *ва-*, а те слова, что в них произносятся с начальным *ua-*, прописаны в грамматике через *ya-* или *ува-*. Ср. напр. (в квадратных скобках даётся реконструированное произношение):

уарь [ʏar] 'слуга' (с. 16);
уалесь [ʏal'es] 'перина, постель' (с. 33);
уватысько [ʏatiško ~ ʏatiško] 'прячу' (с. 104);
уатысько [ʏatiško ~ ʏatiško] 'храню, погребаю, хороню' (с. 105);
уаськысько [ʏaškiško] 'слѣзаю' (с. 106);
уажикъ дырья [ʏažik dɨrja] 'древле, въ старину, искони' (с. 109)
уамень [ʏamen] 'чрезъ, поперегъ' (с. 113)

и

валь гижи [val gižj] 'копыто' (с. 29; точнее 'лошадиное копыто' от удм. *val* 'лошадь, лошадиный' и *gižj* 'копыто');
валаско [valaško] 'въдаю, разумѣю' (с. 98);
валче [valče] 'вмѣстѣ, вообще, купно' (с. 109) и т. п.

Таким образом, можно уверенно констатировать существование в прошлом в удмуртском языке лексемы *ʏažik ~ važik ~ važuk* со значением 'древний, старинный'. От этой основы легко образуется производное **ʏažikala ~ *važikala* (в таких фонетических вариантах вроде бы не сохранилось) при помощи довольно продуктивного в удмуртском языке суффикса *-ala*, который обычно служит для образования прилагательных, связанных по своему значению с временными отношениями. Ср. напр.: *sokuala* 'тогдашний' (*soku* 'тогда'), *al'iala* 'современный' (*al'i* 'сейчас'), *gužemala* 'летний' (*gužem* 'лето'), *uinala* 'ночной' (*uin* 'ночью'), *tuala* 'нынешний, современный' (*tue* 'нынче') и т. п. (Алатырев 1976 : 28—30).

В дальнейшем в слове **ʏažikala ~ *važikala* выпала гласная *-i-*, которая в удмуртском языке в безударном положении склонна к редукции и даже полному исчезновению. Свидетельством этого является зафиксированная в конце XIX в. Ю. Вихманном в глазовском уезде Вятской губернии (среднечепецкие удмурты) форма *ʏažkalajos* 'предки, праотцы' (где *-jos* — суффикс множественного числа) (Wichmann 1987 : 308). Но уже в те времена, в большинстве диалектов под ассимилирующим влиянием последующей глухой смычной *-k-* звонкая шипящая *-ž-* превратилась в глухую *-š-*, о чём наглядно свидетельствуют материалы того же Ю. Вихманна. Так сформировались современные фонетические варианты типа *ʏaškala ~ vaškala*.

Следует полагать, что диалектные формы типа *ʏačkala ~ vačkala*, с аффрикатой *-č-*, появились ещё позже в результате аффрикатизации фрикативной *-š-*. Такое явление имеет место в некоторых срединных удмуртских говорах, ему подвергаются даже некоторые сравнительно недавние лексические заимствования, в которых исконные фрикативные заменяются на соответствующие аффрикаты: напр. *teža* < рус. *межа*, *akišer* < рус. *акушер*, *sučkaos* < рус. *сушка* (маленькая баранка, хлебобулочное изделие; *-os* — суффикс множественного числа), *bašña* < рус. *башня* и т. п. (Кельмаков 2004 : 291—292). Именно в этих срединных говорах, судя по всему, и возникли такие варианты как *ʏačkala ~ vačkala ~ ʏačkäya* (Wichmann 1987 : 308).

В. К. Кельмаков полагал, что в подобных случаях "...мы имеем дело не только с сохранением особенностей праудмуртской синтагматики аффрикат, но и гиперкорректным распространением их за счёт фрикативных не только в русских заимствованиях, но и в исконной лексике" (Кельмаков 2004 : 292). Я склонен считать, что именно к таким случаям гиперкорректного распространения аффрикатизации на изначально фрикативные согласные можно отнести удмуртские фонетические варианты вроде *ɥaʃkala ~ vaʃkala*.

7. Заключение

Подытожу всё вышесказанное. От общепермской лексемы со значением 'старый' в удмуртском языке эволюционировали по нижеследующим схемам два родственных слова:

- 1) праперм.. **vaʒ ~ *vâʒ* → удм. *vuž* 'старый, ветхий; прежний';
- 2) праперм.. **vaʒ ~ *vâʒ* + суф. *-jk ~ -uk* → удм. *ɥaʒjk ~ vaʒjk ~ važuk* + суф. *-ala* → **ɥaʒjkala ~ *vaʒjkala* → *ɥažkala ~ ɥaškala ~ vaškala ~ ɥačkala ~ vačkala* и др. 'древний, старинный'.

Таким образом, в конце концов в удмуртском языке из одного общепермского корня сформировались два родственных и близких по значению слова: *vuž* 'старый, прежний' и *vaškala* 'древний, старинный'. С подобным "расщеплением" старой лексемы на две новые с несколько различающимися фонетическим обликом и семантикой мы также имеем дело в уже упоминавшемся (см. раздел 5.2) случае с удм. *budžjn ~ budžjm ~ bidžjm* 'великий' и *badžjn ~ badžjm* 'большой'. Случай с *vuž* и *vaškala* отличается только присоединением к корневой основе дополнительных суффиксов в последнем слове.

Таковы, на мой взгляд, этимология и историческая эволюция удмуртского слова *вашкала*.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Sergei Belykh
Institute for History and Archaeology, Ural branch of the RAS
E-mail: bibulus@e-izhevsk.ru

Сокращения

Грамматика — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск: Удмуртия, 1975; **ИЭСОЯ** — В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, Москва—Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва: Русский язык, 1983; **Wichmann** — *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen*, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987 (LSFU XXI)

балт. — балтийский праязык; **баш.** — башкирский язык; **бес.** — бесермянский язык / бесермянское наречие удмуртского языка; **венг.** — венгерский язык; **вепс.** — вепсский язык; **вс.** — верхнесыольский диалект коми-зырянского языка; **глаз.** — глазовский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка;

др.-перм. — древнепермский (древнекоми-зырянский) язык; **ир.** — иранский праязык; **комиЗ** — коми-зырянский язык; **кос.** — косинский говор нижнечепецкого диалекта удмуртского языка; **комиП** — коми-пермяцкий язык; **комиЯ** — коми-язьвинский язык/диалект; **лит.** — литературный язык; **лп.** — лузско-летский диалект коми-зырянского языка; **мар.** — марийский язык; **оньк.** — оньковский диалект коми-пермяцкого языка; **осет.** — осетинский язык; **праперм.** — прапермский язык, пермский праязык; **праф.-у.** — финно-угорский праязык; **праф.-у.** — финно-пермский праязык; **рус.** — русский язык; **санскр.** — санскрит; **скр.** — присыктывкарский диалект коми языка; **слоб.** — слободской говор нижнечепецкого диалекта удмуртского языка; **тат.** — татарский язык; **удм.** — удмуртский язык; **фин.** — финский язык; **чув.** — чувашский язык.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А л а т ы р е в В. И. 1976, Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов, Ижевск (Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 4).
- А р х и п о в Г. А. 1987, К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка. — Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков, Ижевск, 84–92.
- — 1990, Деривационные аффиксы имён в слободском говоре удмуртского языка. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка, Ижевск, 3–13.
- Б е л ы х С. К. 1995, Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках. — Финно-угроведение, № 2, Йошкар-Ола, 3–17.
- — 2007, Историко-этимологический аспект самоназвания бесермян. — Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции, № 1 (1), 46–50.
- — 2009, Проблема распада прапермской этноязыковой общности, Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
- Б е л ы х С. К., Н а п о л ь с к и х В. В. 1994, Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? — LU XXX, 278–288.
- Ж е р е б ц о в Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX века, Москва.
- Ж и в л о в М. А. 2008, Этимология прапермского *vāž* 'старый'. — Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию, Москва, 41.
- К а р п о в а Л. Л. 2005, Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи, Ижевск.
- — 2013, Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект, Ижевск.
- — 2016, Некоторые особенности фонетической синтагматики нижнечепецкого диалекта удмуртского языка. — Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 2, Ижевск, 17–36.
- — 2020, Диалекты северного наречия удмуртского языка. Формирование и современное состояние, Ижевск: МарШак.
- — 2023, Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. — Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 17, № 4, Ижевск, 462–473.
- К е л ь м а к о в В. К. 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт, Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
- — 2004, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2. Ижевск, Издательство Удмуртского университета.
- Л ы т к и н В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва: Наука.
- — 1975, Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ, № 3, 84–97.
- М а к с и м о в С. А. 2001, К вопросу о лексических коми заимствованиях в диалектах удмуртского языка. — Пермистика 8. Диалекты и история

- пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар, 179—183.
- — 2018, Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели. Лексика, фонетика, морфология, Ижевск: Шелест.
- Напольских В. В. 1997, Введение в историческую уралоистику, Ижевск.
- Насибуллин Р. Ш. 1990, К вопросу о времени распада общепермской языковой общности. — СIFU VII. 3С. Sessiones sectionum, 153—158
- Тепляшина Т. И. 1970а, Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ. Выпуск 21. Филология, 156—196.
- — 1970б, Язык бесермян, Москва: Наука.
- Федотов М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка. Том II, Чебоксары.
- Jacob, Anthony 2023, A History of East Baltic through Language Contact, Leiden.
- Joki, Aulis J. 1973, Uralier und Indogermanen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (MSFOu 151).
- Rédei, Károly 1986, Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Veröffentlichungen zur Linguistik und Kommunikationsforschung 16. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungberichte 468).
- Saarikivi, Janne 2018, Finnic and other western Uralic borrowings in Permian. — Sampsa Holopainen & Janne Saarikivi (eds.), Περί ορθοτετός των ετύμων. Uusiutuva uralilainen etymologia, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Uralica Helsingiensia 11), 269—355.
- Wichmann, Yrjö 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors.
- Zhivlov, Mikhail 2023, Reconstruction of Proto-Uralic. — Daniel Abondolo & Ritva-Liisa Valijärvi (eds.), The Uralic Languages. Second Edition, London—New York: Routledge (Routledge Language Family Series), 117—175.

SERGEI BELÖHH (Iževsk)

UDMURDI *вашкала* PÄRITOLUST

Udmurdi sõna *вашкала* 'iidne' on permi tüvega *važ* ~ *vuž* 'vana' ka varem ühendatud, aga häälikulistel põhjustel on seda etümoloogiat kahtluse alla seatud. Artiklis tõestatakse, et neil vormidel ikkagi on omavahel otsene seos.